

УДК 159.98

Арпентьева М.Р., д. психол. наук, доцент, профессор кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет им К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Стаття присвячена проблемам деформацій особистісної безпеки співробітників МНС. Розглядаються питання виховання і відновлення «особистості безпечного типу», а також трансформації особистостей небезпечного типу: дії яких привели і можуть привести в подальшому до більш-менш масового насильства і іншим злочинам, НС. Розглядаються поняття «культура насильства», «протравматическій стрес» і посттравматичний стрес », способи корекції цих стресових станів і формування грамотного ставлення до насильства (його культури). Автор обговорює питання можливостей і обмежень психологічної реабілітації осіб небезпечного для себе і оточуючих типу. Автор зазначає, що однією з центральних завдань в підготовці і реабілітації співробітників спецслужб є виховання і відновлення «особистості безпечного типу», яка може не тільки виживати в небезпечних ситуаціях, але може допомогти виживати оточуючим. Цінність безпеки в його житті і професійній діяльності пов'язана з іншими цінностями (моральність, відповідальність, здоров'я). Ця цінність має для особистості виражений і усвідомлений «особистісний сенс». Професійне ставлення до ризику забезпечується розумінням рятувальниками сенсу своєї роботи. Тільки за цієї умови готовність до ризику не стає прагненням до необдуманих ризикованих дій, небезпечним не тільки для самого «спасителя», а й для інших людей, залучених в екстремальну ситуацію. Цінність безпеки виступає як умова збереження як свого власного життя і психічного здоров'я, так і життя, здоров'я жертв катастроф. Безпека оточуючих, суспільства в цілому, таким чином, – функція дотримання правил особистої безпеки. Рятувальникам і іншим суб'єктам, включеним в екстремальну ситуацію (НС) необхідно розуміння, осмислення особистістю того, що безпека кожного тісно пов'язана зі збереженням соматичного і психічного здоров'я оточуючих. Саме тому так велика роль психолога в роботі спецслужб і в процесі реабілітації первинних і вторинних жертв надзвичайних подій, терактів, воєн.

Ключові слова: безпечна особистість, реабілітація, прощення, розуміння, психологічна допомога, стрес.

Статья посвящена проблемам деформаций личностной безопасности сотрудников МЧС. Рассматриваются вопросы воспитания и восстановления «личности безопасного типа», а также трансформации личностей опасного типа: действия которых привели и могут привести в дальнейшем к более или менее массовому насилию и иным преступлениям, ЧС. Рассматриваются понятия «культура насилия», «протравматический стресс» и посттравматический стресс», способы коррекции этих стрессовых состояний и формирования грамотного отношения к насилию (его культуры). Автор обсуждает вопросы возможностей и ограниченной психологической реабилитации лиц опасного для себя и окружающих типа. Автор отмечает, что одной из центральных задач в подготовке и реабилитации сотрудников спецслужб является воспитание и восстановление «личности безопасного типа», которая может не только выживать в опасных ситуациях, но может помочь выживать окружающим. Ценность

безопасности в его жизни и профессиональной деятельности связана с другими ценностями (нравственность, ответственность, здоровье). Эта ценность имеет для личности выраженный и осознанный «личностный смысл». Профессиональное отношение к риску обеспечивается пониманием спасателями смысла своей работы. Только при этом условии готовность к риску не становится стремлением к необдуманным рискованным действиям, опасным не только для самого «спасающего», но и для других людей, вовлеченных в экстремальную ситуацию. Ценность безопасности выступает как условие сохранения как своей собственной жизни и психического здоровья, так и жизни, здоровья жертв катастроф. Безопасность окружающих, общества в целом, таким образом, – функция соблюдения правил личной безопасности. Спасателям и иным субъектам, включенным в экстремальную ситуацию (ЧС) необходимо понимание, осмысление личностью того, что безопасность каждого тесно связана с сохранением соматического и психического здоровья окружающих. Именно поэтому так велика роль психолога в работе спецслужб и в процессе реабилитации первичных и вторичных жертв чрезвычайных событий, терактов, войн.

Ключевые слова: безопасная личность, реабилитация, прощение, понимание, психологическая помощь, стресс.

Постановка проблемы. Современный мир находится перед угрозами превращения терактов в повседневность и инициации террористами и демократическими силами» США и ЕС новой мировой войны. Уже сейчас можно говорить о превращении массового насилия в виде войн и террористических актов в системный геноцид наций и всего человечества: компрадорская буржуазия, проигравшая Вторую Мировую войну, после развала СССР и стран социалистического лагеря» в конце XX века берет реванш, целенаправленно уничтожая возможных оппонентов. Количество жертв в разной мере локальных, интенсивных и длительных военных конфликтов и террористических актов, многоуровневых коррупционных пирамид, обслуживающих интересы немногочисленной «элиты» богатейших людей мира, все возрастает. Возрастает и запрос на своевременное и эффективное оказание медицинской, социальной и психологической поддержки населению, его обучения и воспитания безопасному поведению и отношению к себе и миру. Особенно это значимо в ситуации, когда военные стрессы, стрессы катастроф и стрессы терактов благодаря активизации деятельности компрадорской буржуазии и поддерживаемых ими террористов, благодаря «нормализовавшейся» коррупции и активному росту повседневного бытового насилия, росту наркобизнеса и рабовладельческого бизнеса, становятся все более обыденными и активно демонстрируются СМИ мира для запугивания (формирования состояний выученной беспомощности), дезориентации (формирования состояний экзистенциального тупика и бессмысленности) и стимулированию насилия (формирование личностей опасного типа) у обычных граждан. Благодаря пропаганде насилия СМИ и иными институтами современного «цивилизованного» мира нормативными стали нарушения, ранее называвшиеся посттравматическими

стрессовыми расстройствами, от них теперь страдают не только непосредственные жертвы стрессовых событий, но и те, кто наблюдает их страдания и тщетность усилий преодолеть эти страдания, равнодушные государств и произвол демократии, стремление государств и бизнеса нажиться на страданиях, морально, а где можно и физически – уничтожить людей. Возникают и иные нарушения духовно-нравственной, ценностно-смысловой и поведенческой, интерактивной сторон жизни личностей и групп, мешающие спонтанному формированию личностей и отношений «безопасного типа» и ставящие задачу их целенаправленного воспитания и обучения ради сохранения жизни на Земле и сохранения человеческого сообщества и культуры [13; 19; 30]. Проблема обеспечения личной безопасности сотрудников МЧС и иных специалистов, участвующих в более или менее постоянных военных, антитеррористических и спасательных операциях, имеет особую актуальность в связи с особенностями их профессиональной деятельности. В сложившихся условиях всеобщей социальной напряженности, характерной чертой которой рост числа техногенных и природных катастроф, несчастных случаев, успешность действий сотрудников МЧС в экстремальных ситуациях во многом зависит от того, какие действия предпринимал сотрудник по обеспечению своей личной безопасности, а также безопасности остальных участников операции (групповая безопасность), первичных и вторичных жертв катастроф [11; 15; 24].

Цель статьи – анализ проблем деформаций личностной безопасности и роли культуры безопасности в ее обеспечении.

Метод исследования – теоретический анализ проблем деформаций личностной безопасности и роли культуры безопасности в ее обеспечении.

Изложение основного материала. Теоретический анализ проблем деформаций личностной безопасности направляет внимание исследователей к значимости формирования и развития у специалистов и населения в целом культуры безопасности. Культура безопасности складывается из многих компонентов, обеспечивающих защищенность человека и окружающих его людей в самых сложных, ЧС.

По мнению исследователей, одной из центральных задач в подготовке и реабилитации сотрудников спецслужб является воспитание и восстановление «личности безопасного типа», которая может не только выживать в опасных ситуациях, но может и помочь выживать окружающим. Безопасность должна быть связана с другими ценностями (нравственность, ответственность, здоровье) и, наряду с ними, должна иметь для личности выраженный и осознанный «личностный смысл», выступая как условие сохранения как своей собственной жизни и психического здоровья, так и жизни, здоровья жертв ЧС, терактов, катастроф, войн и «локальных военных конфликтов». Профессиональное отношение к риску

обеспечивается пониманием спасателями смысла своей работы: только при этом условии готовность к риску не становится стремлением к необдуманным рискованным действиям, опасным не только для самого «спасающего», но и для других людей, вовлеченных в экстремальную ситуацию. Специалисту особенно необходимо понимание, осмысление личностью того, что безопасность каждого тесно связана с сохранением соматического и психического здоровья окружающих. Безопасность окружающих, общества в целом, таким образом, – функция соблюдения правил личной безопасности. Именно поэтому так велика роль психолога в работе спецслужб и в процессе реабилитации первичных и вторичных жертв чрезвычайных событий, катастроф и терактов, войн: специалистов и мирного населения, ставшего жертвой многоуровневой пирамиды насилия, типичной для многих «демократических» стран.

Помощь им связана с обращением к профилактике и коррекции психосоциальных аспектов нарушений и болезней, особенно – болезней и нарушений психических, возникших в связи с переживанием различных, травмирующих психику и организм в целом, событий. Ярким примером таких событий являются участие в военных действиях, беженство, заложничество и пытки, произвол и коррупция, stalking и буллинг населения сотрудниками правоохранительных, образовательных, медицинских и иных государственных и общественных структур, иными заинтересованными лицами, участие в ликвидации последствий террористических актов и катастроф, вызванных как природными катаклизмами и неграмотным управлением производственными процессами, так и намеренным применением биоклиматического и иных видов оружия массового поражения т.д.. Другой пример – постоянное пребывание в странах, правительство которых поддерживает националистические и откровенно фашистские режимы, – в которых люди разделены на «граждан», «сепаратистов» и «временно проживающих»: люди живут в состоянии постоянной угрозы массового насилия и преследования, а также в состоянии постоянного насилия в отношении них со стороны властей. На территориях массовых «скоплений» таких «сепаратистов» ведутся необъявленные войны, организован системный stalking и буллинг инакомыслящих, не желающих уничтожать сограждан и даже тех, кто, опасаясь преследований, пытается покинуть страну [3; 4; 17].

Безопасность вообще часто определяется как защищенность. М.А. Котик понимает под защищенностью человека от опасности в том числе в его профессиональной деятельности, способность человека не создавать опасные ситуации, а в случае их возникновения (по вине субъекта или независимо от него) – успешно противодействовать им [7; 8]. Он выделяет три типа защищенности. Первый тип – базовая защищенность, которая зависит от комплекса природных психофизиологических качеств. Второй тип – индивидуальная защищенность. Она зависит, кроме психо-

физиологических, и от социальных и профессиональных качеств, а также от состояния человека, его мотивации, механизмов саморегуляции. Защищенность человека при оценке опасных ситуаций может определяться как способность не допускать ошибок, чреватых еще более опасными последствиями. Кроме того, она может определяться и как способность противостоять случайным, незапрограммированным факторам, например, опасностям, неожиданно возникающим в деятельности. Безопасная деятельность является результатом не столько противодействия человека опасностям, сколько проявлением его возможностей не породить своей деятельностью эти опасности. Различается также адекватная и неадекватная защищенность. Под адекватной защищенностью исследователями обычно понимается особое психическое состояние личности как способность противостоять отрицательным явлениям окружающей среды или внутренним побуждениям, ведущим к отрицательным проявлениям в деятельности и в поступках, способных вызвать отрицательные изменения в структуре личности, в характеристике её черт и качеств. Под неадекватной защищенностью – психическое состояние как способность сохранять удовлетворяющее отношение к себе, выдавать свои искаженные желания за потребности, деформированные ценностные установки и фиктивные цели, несмотря на негативные оценки общества и негативные последствия данных искажений в собственной жизни. Примером неадекватной защищенности является и «синдром войны»: многие симптомы посттравматического стресса – не более чем попытка защитить себя от опасностей войны, но уже вне военных действий. Эта попытка связана с переживанием причастности к страданиям других людей и внутренней ответственностью за их судьбы, которая, тем не менее, активно отрицается, приводя человека на грань самоуничтожения. Причем, критерием позитивности защищенности того или иного типа является ее действительная полезность для общества и человека.

К.Г. Хойос рассматривает проблему безопасности как многоуровневого и многокомпонентного социального явления, охватывающего задачи управления, руководителей, и обязанности работников, подчиненных. Он предлагает включить в понятие «психология безопасности человека» категории, связанные с духовно-нравственной, в том числе гражданской ориентацией, с пониманием жизни и достоинства человека как высшей ценности в существующем мире, как меры уровня утилитарных, промышленных технологий, технологий культуры (науки, искусства и просвещения), их роль в общем прогрессе человечества. В психологическом плане это означает повышение чувствительности общества и государства к общей боли, к персональной и межиндивидуальной ответственности за последствия своих поступков выборов, своей необразованности, неэмпатичности, лени, равнодушия, бездействия и невежества по отношению к себе и к тем, кем управляют государственные и обществен-

ные структуры, кто составляет основание пирамиды благополучия всех и чьи жизненные силы активно уничтожаются в борьбе за власть, собственное процветание и комфорт [1; 18]. Начало этой деятельности связано с подготовкой сотрудников спецподразделений (спасателей, сотрудников АТО и т.д.). Таким образом, деформации личной безопасности тесно связаны с деформациями безопасности в обществе в целом, отсутствием как общей, так и персональной культуры безопасности.

Современные исследователи также обращают внимание на такое проявление деформации личной безопасности как посттравматический стресс. Они подчеркивают важность лечения посттравматического стрессового расстройства, том числе путем спонтанного и целенаправленного дебрифинга («обмена историями», *sharing stories*). Ученые и практики в сфере экстремальной психологии также побуждают государство и общество, обычных «должностных» и «гражданских» лиц понять, что война, теракты, катастрофы и иные ЧС делают с людьми, обращают внимание на вопросы о цене небрежности, конфликтности, экономии и о том, чего «стоят» войны и иные ЧС для населения и страны в целом, ставят вопросы о том, стоит ли затевать войны и участвовать в них, описывают опыт солдат и сотрудников спецслужб, жизни и психика которых были разрушены войной, терактами и ЧС, их психологическими последствиями. Исследователи в области экстремальной психологии не останавливаются на краткосрочных эффектах, но следуют за своими респондентами «домой», в мир «обычный», исследуя их страдания в этом обычном, но также переполненном насилием мире. Эти работы часто свидетельствуют о глубоком желании исцелить (*profound desire to heal*): респондентов, «обычных» граждан, себя и мир. Это, по их же оценкам, «тяжелый материал»: многие из моментов, обсуждаемых в этих исследованиях, являются откровенно жестокими, раскрывающими глубоко интимные аспекты потерь от войн, терактов и ЧС на личном, персональном уровне. Обсуждая «вещи, которые сотрудники спецслужб и военнослужащие «не могут сказать» (*the things they cannot say*), исследователи и исследуемые демонстрируют редкое мужество, для них «правда» означает совсем иное, чем для обычных людей: это травмы головы, лишаящие способности сопереживать и любить, это попытка переосмыслить убийство невинного человека и свою причастность к убийству, свое равнодушие и отсутствие помощи; это уважение к врагу, которые пытался убить тебя самого, это соучастие в убийстве и поиски искупления, способные спасти его от само-разрушительной нисходящей спирали (*self-destructive downward spiral*) [29; 31]. Само по себе понимание «спиральности» насилия, осознание необходимости поиска, искупительного и волевого выхода из насилия – основной мотив этих теоретических и практических исследований. Столкновение со смертью, даже случайное, а тем более сознание собственного участия в убийстве — в обычном мире об этом не принято

говорить. Но говорить об и нужно и просто приходится: терроризм пришел в жизнь стран, никогда не помышлявших, что кто-то когда-то покусьтся на их спокойствие. Исследовать и исправлять происходящее – единственный способ, пережив войну, террористический акт или катастрофу, начать новую, по-настоящему мирную то есть безопасную жизнь: без кошмаров, наркотиков и т.д..

Специалисты, проводящие реабилитационные и профилактические мероприятия, имеют дело с сочетанием массового и индивидуального, прошлого и актуального насилия со стороны окружающих и государства, множественными трансординарными травмирующими событиями, в которых люди выступают и как объекты и как субъекты насилия [9; 17]. При этом реальная картина настолько запутанная и сложна, что простые методы типа «собаке – собачья смерть», перестают работать: волны преступивших закон, поддерживаемые правительствами этих стран, безболезненно сменяют друг друга, а те, кто стал их жертвами часто самоуничтожается, не дождавшись «торжества справедливости». Однако, травмирующие события являются лишь частью общей картины, внешним обстоятельством, которое сыграло или продолжает играть свою роль в болезненном процессе, но часто лишь маскирует истинную драму человеческих отношений. Внешнее событие, как бы жестоко оно не было, всегда наслаивается на внутренние обстоятельства, включая знания и умения человека продуктивно вести себя по отношению к насилию. Эти знания и умения могут быть названы «культурой насилия» или «компетентностью по отношению к насилию». Они включают компетентность виктимную (защиты от внешнего и внутреннего насилия) и компетентность в осуществлении и прекращении насилия (знания и умения в области наказаний, их предотвращения, осуществления и завершения наказаний). Наименее сформированными моментами этой компетентности являются защита от внутреннего насилия (самонаказаний и аутодеструкции в целом) и знания и умения в области предотвращения и прекращения насилия: человечество веками практикуется в осуществлении внешнего и внутреннего насилия, не будучи способным решить вопрос о его сущности, а также его процессах и результатах, возможностях и ограничениях. Опыт же войн и террористических актов к решению этого вопроса активно побуждает: и для того, чтобы помогать жертвам войн, и для того, чтобы избегать войн как таковых. Большинству ветеранов военных действий, переживших множественные трансординарные события, связанные с массовыми смертями и угрозами смерти, предательством и лишениями, полным нарушением человеческих прав и нравственных отношений, свойственны сходные нарушения внутреннего равновесия. Этот особый комплекс психологических проблем получил медицинское название «военный стресс» или, позднее, «синдром посттравматического стресса».

В случае же войн с «сепаратистами», человека, столкнувшегося с противоречием нежелания убивать и необходимостью убивать, и разрешившего это противоречие в сторону «желания убивать», как правило, поглощает другое расстройство, предполагающее тотальное отчуждение от собственной человечности. Вообще говоря, человек страдает и разрушается от любого убийства: но особенно он страдает тогда, когда «вынужден» убивать того, кто прежде был для него «своим». Чем меньше дистанция между людьми в психологическом и социальном, культурном и историческом плане, тем больший и ускоренный разрушительный эффект («бумеранг») наблюдается: сознавая себя убийцей, виновником чьей-то болезни, смерти и страдания, любой, даже не желающий осознавать это человек, наносит себе непоправимый вред. Сознавая свои поступки как целенаправленные действия по достижению в разной мере общих, военных целей, эти люди не способны оценить их духовно-нравственный смысл, оценить себя как субъекта, реализующего эти поступки с точки зрения соответствия этому смыслу. Частым феноменом становится – и у жертв, и у преследователей – феномен раздвоения или удвоения личности [19]. Деструктивно направленная, опасная для себя и окружающих личность формируется в специфических условиях. Удвоения позволяют выжить в экстремальных ситуациях. К сожалению, коллизии данного уровня описаны и исцеляются длительно и скорее в практике духовно-религиозной, чем психологической, медицинской или социальной помощи. Они описаны, например, как одержимость, которая преодолевается через механизмы служения, епитимьи и покаяния. В классической психиатрии, медицине и психологии эти стояния описаны и изучены гораздо меньше «посттравматического стрессового расстройства»: с социальной точки зрения боевики и прочие представители группы лиц, испытывающих желание и удовольствие убивать и насиловать, преследовать и травить окружающих, подлежат «уничтожению»: работа с военными и иными «должностными» преступниками по сути, не предполагается. При этом суть нарушения – отказ быть человеком, – остается вне внимания специалистов. Вместе с тем, общество потребления, ставшее ярлыком современной «цивилизации», превозносящей аномию и толерантность, физическое и социальное благополучие, является основой формирования того, что можно назвать социальный каннибализм: начинаясь как стремление и удовольствие уничтожать себе подобных в конкурентной борьбе за выживание и размножение, он перерастает в отказ признавать их людьми, и, завершающая стадия нарушения, – отказ считать человеком самого себя.

Данное нарушение, которое можно назвать «протравматическое стрессовое расстройство», сходно с симптомами самоповреждающего поведения. Можно предположить, что оно является формой компенсации состояний беспомощности и бессилия, пережитых и переживаемых

человеком на протяжении всей его жизни: начиная с раннего детства заканчивая взрослостью. Не умея уйти от насилия, человек создает его бесконечные «круги» и «спираль». Спираль насилия, раскручиваясь, вовлекает в себя все новых участников, в том числе тех, кто выполняют функции «финальной ситуации» для того, кто ее активировал. По сути говоря, протравматический стресс имеет целью самоуничтожение человека и окружающих его лиц. Посттравматический стресс, напротив, – выживание человека и окружающих его лиц. В протравматическом стрессе искажены, таким образом, сама цель и сопутствующие ей ценностно-смысловые аспекты переживаний и поступков личности. В посттравматическом – нарушены не столько целевые, ценностно-смысловые, сколько «психотехнические» аспекты переживаний и поступков человека. Посттравматический стресс преодолевается, поэтому, через осознание человеком и поддержку окружающими его осознания цели переживаний и поступков в трансординарной и посттрансординарной ситуации – «выживание» [9; 23]. Протравматический стресс – через тотальное преобразование базовых смыслов жизнедеятельности человека. К сожалению, такое преобразование часто невозможно: в помощи такому человеку могут оказаться неготовыми и немотивированными ни государство, ни специалисты, ни сам человек, которому проще умереть, чем измениться. Кроме того, ряд переживших протравматические стрессовые события вполне спокойно продолжают жить после них: общество потребления с его аномией и псевдотолерантностью, представляет собой оптимальную среду жизни, не побуждающую человека к раскаянию и не ставящую перед ним иных задач, кроме тех, которые он привык ставить: выживание за счет других людей. Возможно в этом и секрет малой изученности таких нарушений и их носителей: начинающиеся исследования буллинга (травли) и «сталкинга» (преследования) слишком фрагментарны, чтобы осмыслить весь масштаб происходящего насилия, даже на примере отдельной личности или группы. До той поры, пока не будет поставлен вопрос о повсеместности насилия и культуры насилия, пока насилие будет полагаться «законным атрибутом» власти и «незаконным атрибутом» в отношениях людей, в нее не включенных, войны, террористические акты и иные формы массового и индивидуального насилия под разными предлогами, будут процветать.

Центральным моментом реабилитации человека и общества в целом является осознание сути насилия в жизни человека, его роли в развитии или деструкции самосознания личности. М. Бланшо по этому поводу пишет: «...между человеком нормальным, загоняющим садиста в тупик, и садистом, который превращает этот тупик в выход, располагается тот, кто знает больше других об истинном своем положении и обладает более глубоким его пониманием, поэтому он способен помочь нормальному человеку осознать самого себя, содействуя ему в изменении

условий всякого осмысления» [6]. Протравматическое стрессовое расстройство включает весь комплекс последствий и причин насилия по отношению к себе и миру: субъект протравматического расстройства – одновременно и жертва, и преследователь. Именно с этим связаны феномены типа «стокгольмского синдрома»: неумелая, но попытка понять преступника заложниками, найти с ним общий язык и даже помочь – выжить, вопреки его собственному желанию уничтожить – мир и себя. Важно, что вследствие нанесенной правонарушением психологической травмы, предубеждений и негативных переживаний у жертв войны и военных преступников часто теряется способность адекватно анализировать конфликтную ситуацию с разных сторон. Каждый объясняет свои действия из своей «точки» начала конфликта как ответ на действия другого и каждый считает себя правым и жертвой агрессии другого. Для травмированного ситуацией человека становится доминантным стремление к мести и наказанию либо к избеганию наказания и ответному обвинению. Ситуация как «черная дыра» стягивает сознание в «болезненную точку» со стремлением оправдаться, отомстить, сделать вид, что ничего не произошло и т. п., что он и другие – не люди (не достойные люди) и т.д. Для того чтобы разобраться, нужен сторонний человек, который создает пространство, в котором люди могут вернуть себе контроль над конфликтными взаимоотношениями: кто-то из близких и уважаемых людей или специалист – ведущий программ восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций.

Пока не произошли изменения в «пространстве понимания», сложно ожидать реальных изменений в «пространстве принятия решений»: обидчик и пострадавший, даже не будучи знакомы, могут неожиданно оказаться в особом рода ситуациональном взаимодействии, позволяющем открыть не только тайны внутренних и внешних войн и их переживания, но и те тайны души, которые лежат в их основе. Осознание и примирение основываются на безусловном уважении жизни человека, человеческих взаимоотношений и общества, духовной, а не только материальной, долговременной и имманентной, а не только случайной и краткосрочной связи людей, учета религиозных, культурных, политических различий в образах жизни. Обе стороны могут влиять друг на друга непосредственно, получая шанс на разрешение конфликта, возникшего в результате неправомерного ошибочного поведения (поступка) одной или обеих сторон. Идеальный результат реабилитационной работы в парах «жертвы – преступники» состоит из двух шагов. Сначала преступивший законы человека и Бога выражает стыд и искреннее раскаяние в своих действиях. Потом – жертва в ответ предпринимает, по крайней мере, первый шаг на пути к его прощению. Эти два шага являются «восстановительными действиями», они способствуют воссозданию разрушенных преступлением отношений между жертвой и правонарушителем, между

нациями и странами. Без «восстановительных действий» какое бы соглашение ни было достигнуто, оно не снижает напряжения и оставляет участников с чувством неудовлетворенности, корни нарушения остаются нетронутыми [1; 2; 5; 20; 21; 26; 27]. Развитие человечества предполагает, кроме прочего, культуру отношения к насилию (культуру насилия): умение помогать тем, кто в современном мире становится преступником, не имея шансов на изменение и осознание сделанного и умение преодолевать последствия насилия для «жертв» и «преступников», создавать и развивать безопасные отношения, лишены насилия, формирующие или восстанавливающие безопасную личность. Осознание и изменение возможны там, где сформирована культура насилия: понимание его неизбежности и функций вместо бессмысленных «табу» на любое обсуждение реальности его неизбежности и встроенности в систему человеческих отношений. Так же, как и инстинкт смерти, «инстинкт насилия» должен и может быть осознан и трансформирован, в том числе – в социально одобряемые формы. Общество и жертвы войн и катастроф же нуждаются в обратном: искреннем, реалистичном понимании произошедшего и принятии опыта насилия и его последствий – в себе и окружающих. Круг насилия может быть разомкнут: в помощи нуждаются не только жертвы, но и «преследователи», а также, как показывают исследования и практика дебрифинга – «спасатели» [6]. Восстановительная работа, таким образом, включает процедуры формирования и реформирования культуры насилия личности и группы (общности).

Выводы. Длительное пребывание и осуществление деятельности в экстремальных условиях приводят к истощению психологических ресурсов человека. Условия дефицита ресурсов психологической защиты приводят к росту агрессии, т.к. вследствие своей реактивной природы она легко активизируется распространяется [14]. Поэтому помощь в исцелении состоит не в самой по себе (ре)адаптации человека, ставшего опасным для себя и окружающих, к обыденным социальным нормам, но в том, чтобы помочь человеку примириться с самим собой и людьми, увидеть себя таким, как есть на самом деле и, внося изменения в свою жизнь, действовать не вопреки своей индивидуальности и жизни, не игнорируя ошибки и преступления – против себя, мира, а в согласии с жизнью, открывая новые возможности и перспективы, через поддерживаемую собственную безопасность создавать безопасность жизни других. Обретение мира в своей собственной душе позволяет человеку обнаружить новые, более адекватные и адаптивные способы защиты от травматических событий и способы совладания с тяжелыми переживаниями и стрессами. Разомкнуть круг насилия и защищаться о него в последующем. Огромный опыт работы с пережившими кризисные ситуации людьми накоплен в работах практических психологов, занимающихся проблемами психологического и физического (в том числе сексуально-

го) насилія, проблемами психологічного виживання і трансформацій особистості, зв'язаних з перебуванням людини в зоні воєнних дій, участю в них, а також в рамках досліджень, присвячених психологічній реабілітації пацієнтів, перенеслих смертельно небезпечні захворювання (рак і т.д.). В будь-якому з цих випадків проявляється універсальна закономірність: необхідність розмежування «сфер впливу» об'єктивної (фізичної, зовнішньої) загрози або травматичної ситуації і зони, піддаючоїся потенціальному контролю з боку самої людини, вимагаючої прощення і виправлення і не здатної бути виправленою [10; 12; 14; 16; 22; 28; 29]. Продуктивне переосмислення травматичного досвіду, перетворення посттравматичного і протравматичного стресу передбачає суттєву зміну тимчасового ракурсу його аналізу: переорієнтація з пошуку об'єктивно неіснуючих внутрішніх причин (прошлого) трагедії на побудову моделей майбутнього, з «Чому?» на «Зачем?»

Сучасні дослідники підкреслюють важливість лікування посттравматичного стресового розладу, зокрема шляхом спонтанного і цілеспрямованого дебрифінгу («обмін історіями», *sharing stories*). Вони закликають державу і суспільство, звичайних «обов'язкованих» і «громадянських» осіб зрозуміти, що війна робить з людьми, і задати питання про те, чого вона варта і варто ли заводити війни і брати участь в них, описують досвід солдатів і співробітників спецслужб, життя і психіку тих, хто був розбитий війною, терактами і ЧС, їх психологічними наслідками [1; 4; 20; 21; 27]. Вони не зупиняються на короткотривалих ефектах, а йдуть за своїми респондентами «домой», в світ «звичайний», досліджують їх страждання в цьому звичайному, але також переповненому насиллям світі. Ці роботи часто свідчать про глибоке бажання вилікувати (*profound desire to heal*): респондентів, «звичайних» громадян, себе і світ. Це важкий матеріал, так як багато з моментів, обговорюваних в цих дослідженнях, є відкрито жорсткими, розкриваючими глибоко інтимні аспекти втрат від війн, терактів і ЧС на особистому, особистому рівні. Обговорюючи «вещі, які співробітники спецслужб і військовослужбовці часто просто «не можуть сказати» (*the things they cannot say*), навіть самим собі і найближчим, не говорячи про суспільство і державу, дослідники і досліджувані виявляють дивовижну мужність, для них «правда» означає зовсім інше, ніж для звичайних людей: це травми голови, позбавляють здатності співпереживати і любити, це спроба переосмислити вбивство невинного людини і свою причастність до вбивства, своє байдуже і відсутність допомоги; це повага до ворога, який намагався вбити тебе самого, це співучастя в вбивстві і пошуки викуплення, здатні рятувати його від само-руйнівної нисхідної спіралі (*self-destructive downward spiral*) [29; 31]. Само по собі розуміння «спіраль-

ности» насилия, осознание необходимости поиска, искупительного и волевого выхода из насилия – основной мотив этих теоретических и практических исследований. Столкновение со смертью, даже случайное, а тем более сознание собственного участия в убийстве — в обычном мире об этом не принято говорить. Но говорить об и нужно и просто приходится: терроризм пришел в жизнь стран, никогда не помышлявших, что кто-то когда то покусится на их спокойствие. Для тех же, кто вернулся или возвращается расставание с войной – непростой опыт: за спиной у них стоит смерть, от которой порой невозможно избавиться: человеку кажется, в мире не осталось места для любви и веры, веры в предназначение и судьбу, в жизнь и в Бога. Насилие и опасности, перенапряжение и опыт смертей и убийств не проходят бесследно: война «поселяется» внутри [9; 17]. Исследовать и исправлять происходящее – единственный способ, пережив войну, террористический акт или катастрофу, обрести покой и начать новую, по-настоящему мирную, то есть безопасную жизнь: без кошмаров, наркотиков и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева М.Р. Восстановительная юстиция: особенности и перспективы / М.Р. Арпентьева // Советник юриста. – 2015 – №9. – С.3-11.
2. Арпентьева М.Р. Доктрина понимания и деятельность социального работника в ювенальной юстиции / М.Р. Арпентьева // Советник юриста. – 2015. – №10. – С.58-76.
3. Арпентьева М.Р. Современный фашизм и социальное служение / М.Р. Арпентьева // Вестник Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. – 2015. – №2. – С.30-46.
4. Арпентьева М.Р. Психологические аспекты правоохранительной деятельности: эссе по юридической психологии Текст / М.Р. Арпентьева. – Калуга: КГУ, 2017. – 270с.
5. Арпентьева М.Р., Краснова О.В. и др. Антология тяжелых переживаний: социально-психологическая помощь: Сборник статей / М.Р. Минигалиева. – Москва: МПГУ; Обнинск: «Принтер», 2002. – 336 с..
6. Бланшо М. Сад. / М. Бланшо // Маркиз де Сад и XX век / Сост В.В. Рыклин. – М: РИУ «Культура», 1992. – С.47-88. – С.52.
7. Золотарева Т.Ф. Проблемы социально-психологической помощи жертвам террора / Т.Ф. Золотарева, М.Р. Минигалиева. – Москва: Изд-во МГСУ, «Союз», 2002. – 256 с.
8. Котик М.А. Психология и безопасность / М.А. Котик. – Таллин: Знание, 1981. – 320с.
9. Магомед-Эминов М.Ш. Экзистенциальная ситуация уцелевшего / М.Ш. Магомед-Эминов // 1 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. – Москва: Смысл, РПО, 2001. – С.35-36.

10. Нколс Т. Глобальный обзор реакции человека на стихийные бедствия: землетрясения / Т. Нколс // Стихийные бедствия: изучение и методы борьбы / Под ред. Г. Ф. Уайта. – М.: Прогресс, 1978. – 440 с.
11. Падун М.А. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика / М.А. Падун, А.В. Котельникова. – Москва: ИП РАН, 2012. – 206 с.
12. Пергаменщик Л.А. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. Практикум / Л.А. Пергаменщик, Н.Л. Пузыревич. – Минск: Изд-во Гревцова, 2012. – 340 с.
13. Попов В.Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий / В.Е. Попов. – Автореф. дисс... канд. псих. наук. – Москва, 1992. – 20с.
14. Предотвращение, спасение, помощь: Материалы науч.–практ. конф., 12 янв. 2000 г. / Редкол.: Мазуркин П.М. и др.– Йошкар-Ола: Марийский гос. техн. ун-т, 2000. – 107 с.
15. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных / Под. общей ред. Ю. С. Шойгу. – М.: Смысл, 2007. – 319 с.
16. Смирнов Б.А. Психология деятельности в экстремальных ситуациях / Б.А. Смирнов, Е.В. Долгополова. – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. – 292 с.
17. Флиер А.Я. Культурные основания насилия / А.Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 1. – С. 19–25.
18. Хойос К.Г. Психология безопасности взамен традиционной проблемы аварийности / К. Г. Хойос // Иностранная психология. – 1995. Т. 3. – №5. – 45-56.
19. Austin L.S. Therapeutic approaches for survivors of disaster / L.S. Austin, L.S. Godleski // Psychiatric Clinics of North America. – 1999. – Vol.22, №4. P.897-910.
20. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration / J. Braithwaite. – Cambridge. UK: Cambridge University Press, 1998. – 236p.
21. Bush R.A.B. The Promise of Mediation Responding to Conflict Through Empowerment and Recognition / R.A.B. Bush and J.P. Folger. – San Francisco: Jossey-Bass, 1994. – 320p.
22. Davidson L.M. Chronic stress and post-traumatic stress disorders / L.M. Davidson, A. Baum // J. of Consulting and Clinical Psychology. – 1986. – №54. – P.303-308.
23. Diregov A. Caring for helpers in disasters situations psychological debriefing / A. Diregov // Disaster management. – 1989. – №2. – P.25,30.
24. Disasters: Planning for a caring response –. – Part 1,2. – London: Bernan Press, HMSO, 1992. – 230p., 240p.
25. Dyregov A. Caring for helpers in disaster situations / A.Dyregov // Disaster Management. – 1989. – V.2. – P.25–30.

26. Fattah Ez. Towards a victim policy aimed at healing, not suffering / Ez. Fattah // Victims of crime / Eds. by A. J Lurigio. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. – P. 7-25.

27. Gold L. Influencing Unconscious Influences. The Healing Dimension of Mediation / L. Gold // Mediation Quarterly. – 1993. –Vol. 11 (1). – P. 55-66.

28. Hodkinson R. Coping with catastropha. A handbook of disaster management / R.Hodkinson, M. Stewart. – L.,N.-Y.: Routledge 1991. – 271p.

29. Sites K. The things they cannot say. Stories soldiers won't tell you about what they've seen, done or failed to do in war. – New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi, Aucland: Harper Perennial, 2013. – 336p.

30. Ursano R.J. Posttraumatic stress disorder and identification in disaster workers / R.J. Ursano, C.S. Fullerton, K. Vance, T.C. // Am. j. psychiatry.- 1999. – Vol.156, №3. – P.353-359.

31. Zehr H. Changing Lenses / H. Zehr. – Scottdale, PA: Herald Press, 2015. – 302p.

ТРАНСЛИТЕРАЦИОННЫЙ ПЕРЕВОД СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

1. Arpentieva M.R. Vosstanovitel'naya yustitsiya: osobennosti i perspektivy [Restorative justice: features and prospects]. Sovetnik yurista [Adviser to the lawyer]. – 2015 – №9. – P.3-11. (In Russian)

2. Arpentieva M.R. Doktrina ponimaniya i deyatel'nost' sotsial'nogo rabotnika v yuvenal'noy yustitsii [The doctrine of understanding and the activity of a social worker in juvenile justice]. Sovetnik yurista [Adviser to the lawyer].. – 2015. – №10. – P.58-76. (In Russian)

3. Arpentieva M.R. Sovremennyy fashizm i sotsial'noye sluzheniye [Modern Fascism and Social Service]. Vestnik Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K.E. Tsiolkovskogo [Bulletin of K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University]. – 2015. – №2. – P.30-46. (In Russian)

4. Arpentieva M.R. Psikhologicheskiye aspekty pravookhranitel'noy deyatel'nosti: esse po yuridicheskoy psikhologii [Psychological aspects of law enforcement: an essay on legal psychology]. – Kaluga: KSU, 2017. – 270p. (In Russian)

5. Arpentieva M.R., Krasnova O.V. Antologiya tyazhelykh perezhivaniy: sotsial'no-psikhologicheskaya pomoshch': Sbornik statey [An anthology of hard feelings: social and psychological help: Collection of articles]. – Moscow: MPGU; Obninsk: "Printer", 2002. – 336 p. (In Russian)

6. Blancho M. Sad [Sad]. Markiz de Sad i XX vek [Marquis de Sade and the twentieth century]. Sost V.V. Ryklin. – Moscow: RIU "Culture", 1992. – P.47-88. – P.52. (In Russian)

7. Zolotareva T.F., Minigaliyeva M.R. Problemy sotsial'no-psikhologicheskoy pomoshchi zhertvam terror [Problems of socio-

psychological assistance to victims of terror]. – Moscow: MSSU Publishing House, Soyuz, 2002. – 256 p. (In Russian)

8. Kotik M.A. Psikhologiya i bezopasnost' [Psychology and safety]. – Tallinn: Knowledge, 1981. – 320p. (In Russian)

9. Magomed-Eminov M.Sh. Ekzistentsial'naya situatsiya utselevshego [The existential situation of the survivor]. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noy psikhologii.[All-Russian Scientific and Practical Conference on Existential Psychology]. – Moscow: Sense, RPO, 2001. – P.35-36. (In Russian)

10. Nchols T. Global'nyy obzor reaktsii cheloveka na stikhiynnye bedstviya: zemletryaseniya [Global overview of human response to natural disasters: earthquakes]. Stikhiynnye bedstviya: izucheniye i metody bor'by [Natural disasters: study and methods of struggle]. Ed. G. F. White. – Moscow: Progress, 1978. – 440 p. (In Russian)

11. Padun M.A., Kotel'nikov A.V. Psikhicheskaya travma i kartina mira: Teoriya, empiriya, praktika [Mental trauma and the picture of the world: Theory, empirics, practice]. – Moscow: IP RAS, 2012. – 206 p. (In Russian)

12. Pergamenschik L.A., Puzyrevitch N.L.. Psikhologicheskaya pomoshch' v krizisnykh situatsiyakh. Praktikum [Psychological help in crisis situations. Practical work]. – Minsk: Publishing House Grevtsova, 2012. – 340 p. (In Russian)

13. Popov V.E. Psikhologicheskaya reabilitatsiya voyennosluzhashchikh posle ekstremal'nykh vozdeystviy [Psychological rehabilitation of servicemen after extreme impacts]. – Author's abstract. diss... cand. psychol. sciences. – Moscow, 1992. – 20p. (In Russian)

14. Predotvrashcheniye, spaseniye, pomoshch': Materialy nauch.–prakt. konf., 12 yanv. 2000 g. [Prevention, rescue, assistance: Materials of scientific-practical. Conf., Jan. 12 2000]. Rarely: P. Mazurkin. and others. - Yoshkar-Ola: Mari State. tech. University, 2000. – 107 p. (In Russian)

15. Psikhologiya ekstremal'nykh situatsiy dlya spasateley i pozharnykh [Psychology of extreme situations for rescuers and firefighters]. Pod. general ed. Yu. S. Shoigu. – Moscow: Sense, 2007. – 319 p. (In Russian)

16. Smirnov B.A., Dolgopolova E.V. Psikhologiya deyatelnosti v ekstremal'nykh situatsiyakh [Psychology of activities in extreme situations]. – Kharkov: Publishing house of the Humanitarian Center, 2007. – 292 p. (In Russian)

17. Flier A.Ya. Kul'turnyye osnovaniya nasiliya [. Cultural causes of violence. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [Knowledge. Understanding. Skill]. – 2012. – No. 1. – P. 19-25. (In Russian)

18. Khoyos K.G. Psikhologiya bezopasnosti vzamen traditsionnoy problemy avariynosti [Psychology of security in place of the traditional

problem of accidents]. Inostrannaya psikhologiya [Foreign psychology]. – 1995. Т. 3. – № 5. – P. 45-56. (In Russian)

19. Austin L.S., L.S. Godleski. Therapeutic approaches for survivors of disaster /. Psychiatric Clinics of North America. – 1999. – Vol.22, №4. – P.897-910.

20. Braithwaite J. Crime, Shame and Reintegration. – Cambridge. UK: Cambridge University Press, 1998. – 236p.

21. Bush R.A.B. and Folger J.P.. The Promise of Mediation Responding to Conflict Through Empowerment and Recognition. – San Francisco: Jossey-Bass, 1994. – 320p.

22. Davidson L.M., Baum A. Chronic stress and post-traumatic stress disorders. J. of Consulting and Clinical Psychology. – 1986. – №54. – P.303-308.

23. Diregrov A. Caring for helpers in disasters situations psychological debriefing. Disaster management. – 1989. – №2. – P.25,30.

24. Disasters: Planning for a caring response –. Part 1,2. – London: Bernan Press, HMSO, 1992. – 230p., 240p.

25. Dyregov A. Caring for helpers in disaster situations. Disaster Management. – 1989. – V.2. – P.25–30.

26. Fattah Ez. Towards a victim policy aimed at healing, not suffering. Victims of crime. Eds. by A. J Lurigio. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1997. – P. 7-25.

27. Gold L. Influencing Unconscious Influences. The Healing Dimension of Mediation. Mediation Quarterly. – 1993. –Vol. 11 (1). – P. 55-66.

28. Hodkinson R., Stewart M. Coping with catastropha. A handbook of disaster management. – L.,N.-Y.: Routledge 1991. – 271p.

29. Sites K. The things they cannot say. Stories soldiers won't tell you about what they've seen, done or failed to do in war. – New York, London, Toronto, Sydney, New Delhi, Aucland: Harper Perennial, 2013. – 336p.

30. Ursano R.J., Fullerton C.S., Vance K. Posttraumatic stress disorder and identification in disaster workers. Am. j. psychiatry. – 1999. – Vol.156, №3. – P.353-359.

31. Zehr H. Changing Lenses. – Scottdale, PA: Herald Press, 2015. – 302p.